

А. М. Карпеев

Посвящение Другому

Акеле

Юрий Трифонов, *Другая жизнь*:

...так скучно думать о себе. Однажды становится безумно скучно. И вдруг сверкнет как слабая заря между стволами — другая жизнь... У нее сжималось сердце, было страшно. Откуда, бог ты мой, взяться другой жизни? Переехать из дома в дом? Купить новый портфель? Начать ходить вместо той конторы в эту? Он отвечал — э, нет! Так говорить — все равно что утверждать, будто все женщины одинаковы.

Это в своем роде мистическая повесть. Вот, оно маячит перед нами, и это — «другая жизнь». *Что* это — не поймешь. То, чего не хватает, всегда не хватало для счастья. *«Впереди брезжило, светлело, там мерещились прогалы, поляны. Там начиналась другая жизнь»* — снится героине, схоронившей мужа. *«Шли и шли, разговаривали, светлота манила, но ни просек, ни полян не открывалось за стволами»*. Тот, кто ближе всех и всегда не ты; запредельная жизнь психики, медиумизм и телепатия; поиски утраченного времени; время еще не наступившего; то, что однажды говорит в великом *здесь и сейчас*, чему и названия нет. *«Другая жизнь»* объединяет эти поиски и не-поиски.

ОТКРЫТИЕ

Если ищешь слова, обозначая переживание, проще начать с цитирования, я и начал. Как о *другой жизни* я буду говорить о *Другом*, дыхание которого чувствует мальчик.

Ему семь лет. Он идет вдоль дачного забора по переулку. Где кончается забор, возникает отчего-то не дыра, а ниша. Тут поворот, окаменелая колея с рубчиками от больших колес. В нише смородиновый куст, ни на чьей даче, а — сам по себе. На нем одна темная, прозрачная красная гроздь. Мальчик вспоминает: в детском саду — не вчера, не позавчера — он

любил голубой блестящий, новенький (крашенный) кубик с белым, тоже блестящим мазком на одной из граней. (Не кубик, а кирпичик, деревянный параллелепипед). Приходил проверить, хорошо ли он лежит в ящике. Мальчик видит: между *тем и этим* есть связь, хотя не мог бы ее назвать. Хорошо было бы смотреть из ниши на дорогу, как смотрит куст. Но встать вместо куста нельзя, куст твердый. Мальчик думает, что хорошо бы возвращаться к нему всегда, как он возвращался к кубику, имевшему *лицо*.

Много позже он прочел: «Другой берег тоскует, что он не этот. И мост — не спасение»¹. Вот то, что чувствует он, стоя перед воспоминанием.

И видишь, что — хорошо ли это или плохо, ты не знаешь — видишь и знаешь, что жизнь не струится ниточкой, а движется бросками, узелками. Часты они или редки, неясно. А понятно, что время и пространство, которые ты считал или не считал непрерывными, существуют — теперь это совершенно ясно — на самом деле окрестности, подходы к вещам *особого рода*.

Пусть будет «объект Икс», пока нет иного имени. Только подходы к нему — все, что его окружает. Ведь именно перед ним ты останавливаешься в памяти, как остановился в первый раз, идя по переулку или листая книгу. Или так: время и пространство именно в этой встрече становятся дважды и по-разному данными, тогда как в забвении они вообще

¹ *Гомес де ла Серна Р.* Грегери // Гомес де ла Серна Р. Избранное. — М.: Худ. лит., 1983. — С. 340. *Грегери* — нечто, как пояснил автор, во всем противоположное афоризму. Рядом с процитированной стоят, например, такие *грегери*: «Монашки молятся, будто кролики щиплют траву», «Если бы у птиц были руки, как бы они мерзли зимой!» (Там же, с. 340) или еще: «Термометры умирают молодыми» (с. 339). Авторское определение: «грегери — это отпечаток, оттиск, словцо — красное словцо! — штришок, тильдочка, промашка, галочка, невнятица — пускай даже несуразица! — осколок, черточка, камушек, цифирка, штучка, ошибка... Грегери дерзит и робеет... Это порыв определить неопределимое, схватить ускользающее. Так вскрикивают, столкнувшись невзначай, вещи и души, и не надо делать эти крики поэтичнее, чем они есть» (Там же, с. 296).

никак не были даны. Ты жил в них, не замечая, что они могут быть даны *как-то*. Останавливаясь, замечаешь и то, и другое: жизнь — прогалины *настоящего* времени и пространства; но жизнь должна быть непрерывным протяжением; как же выглядит протяжение там, где нет прогалины? — *никак*.

А в центре прогалины сияет Объект Икс, источник света и фокус. Ты просто и не знаешь *никаковости*, пока не озаряет прорывом. Но Объект Икс, прорвав пустое протяжение, являет совсем иной порядок жизни. Именно никаковостью *тутошнего* мира говорит *тамошний* мир. Вот суть Объекта Икс. Он приносит иной строй времени-пространства, иной строй жизни, которой он суверенно располагает, как своим «внутренним».

Это чудесно и невыносимо. Мальчик проходит и уходит по переулку, а куст с кистью смородины пребудет, купаясь в своем сиянии, всегда имея самого себя под рукой. И так желается возвращаться к нему всегда, снова и снова. Может, однажды куст раскроет свое «внутреннее» так, что можно будет пройти туда. Может... много чего может быть.

Итак, и не в том суть, что в «моем мире», под рукой, есть Икс-объект. И не в том, что он не объект, а субъект. Суть в том, что он *сам* есть иной мир (не малый, не включенный внутрь моего собственного), весь проникнутый тем «чем-то», что вызывает желание остаться с ним и приникать все ближе и ближе.

Отношение между *здесь* и *не здесь* асимметричное: *тамошнее* полно собой, *тутошнее* всегда полупусто. И мальчик примеряется, чтобы быть этим кустом и ягодами, как-то (как же?) влезть туда, видеть здешнюю дорогу из нездешнего, как видит куст. Представить себе: быть внутри и в то же время прильнуть к поверхности; не проникнуть, не вобрать, а быть; не наслаждаться вкусом ягод, а быть так, чтобы он стал собственным вкусом. (Мопассан спасался от Эйфелевой башни внутри нее самой.)

Диапазон переживания расширяется. Оказывается, оно может быть связано с человеком не меньше, чем с нечеловеческим; с целой областью жизни не меньше, чем с чем-то локальным и определенным.

В горькой глубине моих ладоней —
Отрешенность твоего лица.
В мире нет предмета отрешенней.
Лунный свет на нем — печаль Творца.

Словно вещь, покорно и легко
И руке моей прикосновенно,
Но далекое... Во всей вселенной
Что живое столь же далеко?

О, как мы стремим нетерпеливо
В эту замкнутую плоскость лика
Все приливы сердца, тщетность крика —
Мы себя дарили столько раз —

Но кому? Другим, не понимавшим,
Нас случайно или вчуже знавшим,
Не искавшим нас и не терявшим,
И ветрам весенним — предававшим
Тишине, что расточала нас.

Эти стихи Рильке (они попались один раз, лет в пятнадцать, я никогда больше их не встречал) подходят к тому же переживанию. Речь здесь непосредственно — о фотографии, куда хочет перелиться *фотографируемый*, но суть не пропадет, даже если мы это не сразу сообразим — я поздно сообразил, но стихотворение и так звучало. Это могло бы быть лицом, нарисованным на самой руке, — от этого оно не стало бы ближе, и в него не мог бы перелиться *смотрящий*, как не может он войти и в фотографию. Как не может войти и в живое лицо, даже когда его руки гладят голову; как не может прикинуть изнутри к поверхности собственного лица, чтобы размягчить и переформировать эту тоже в своем роде замкнутую плоскость².

Взгляд Другого из вечно прекрасного далека; сквозь кубик, гроздь смородины, сквозь фотографию и зрачки; через магический кристалл. Это мало для Бога, много для *только* *cherchez une femme/un homme*. Сартр сказал, что *ад — это*

² Уязвляться и уязвлять, съесть и быть съеденным (быть им-съеденным), хоть бы в каком-нибудь смысле совпасть — как в гностическом гимне, приписанном прямо Иисусу Христу.

другие, но так хочется сказать, что *рай — это Другой*. Да, это такая близость рая, которая равна Танталовым мукам в Аиде; и вот, в этой двусмысленности, *незримый мир, который, стремясь или не стремясь к тому, манит зазеркальной близостью, — Другой*.

СПОСОБЫ БЫТЬ-СОЗНАВАТЬ И ДРУГОЙ

1. Субъектное и несубъектное. Понять, *как* мы имеем дело с Другим, можно в сопоставлениях с иными способами быть-сознавать. Одно сопоставление сделано — *здешнего и нездешнего*. Но оно имеет в виду, что работает один пространственный образ: здесь-там. *Здесь* и *там* близки, раз их можно со-поставить. Найдем сперва общее основание их родства, противопоставив ему тот способ быть-сознавать, который и не опишешь пространственно.

И тогда прежде всего можно различить *субъектное* и *несубъектное*. Как субъектное обозначается бытие-сознание, которое утверждается выражениями «я хочу» и «я должен». Тогда несубъектное — то, что утверждается в безличных выражениях — «мне положено», «желается». (Последний случай и есть Другой.)

2. Я-субъект. Субъектное прежде всего не всегда налицо; его *учреждают* как «я хочу» и «я должен». Так указывают не одни основания для поступков, а больше — основания оснований. Выражения бесконечно емки. «Я хочу» — это «*хочу* хотеть», и «я должен» — «*должен* быть должен». Вводится форма, которая может сама по себе придать ценность тому, чего я хочу, и важность — тому, что я должен. Так что через «я хочу — я должен» учреждается нечто очень значительное.

Обычно говорят об учреждении свободы (или как «права хотеть», или «возможности действовать не по принуждению») и практически-свободного субъекта. Тут важно не то, что он «свободный», а другое: так *учреждается время в особой функции — как материя я-субъекта — и я-субъект как форма времени*.

Высвечивается коридор «отныне до конца», неизвестной, но конечной длины. Не то чтобы это было ясное сознание

смертности, но я-субъект знает свою ограниченность именно через нетерпение: я спешу быть свободным, время — всегда *«мое оставшееся»*; главное и даже единственное его качество — истекать во мне. То есть время — это то, чего может однажды уже абсолютно, радикально не хватить, это исчерпываемый ресурс «я». Как объекта времени нет³.

Такое субъектное бытие-сознание — уединенное. Ничего нет, не может быть с ним «рядом» на равных с ним правах, потому что нет никакого пространственного места субъекта. У пространства вообще иной статус, статус *материи объектов*. Поэтому субъектное как таковое несообщаемо (то есть только самому себе я могу сказать «должен» и «хочу»⁴), и у него нет прямого сообщения с Другим⁵.

Противоположность между «я хочу» и «я должен» не так уж важна, она поздняя и вторичная. Но глубже ее открывается иная пара, где на обоих полюсах нужно пользоваться безличными конструкциями, скажем, *«мне положено»*, *«мне хочется»*, *«желается»*. «Я хочу» и «я должен» имеют между собой больше общего, чем с этими архаическими явлениями⁶.

³ Там субъект, о котором говорил Августин: «в тебе, душа моя, измеряю я время» (Исповедь, XI, XXVIII. — СПб., 1999. — С. 310).

⁴ Когда мне говорят «ты должен», слышится «тебе положено», а это совсем не то. Это значит *«тебе положено сказать „я должен“ и сделать, что положено»*. И «ты хочешь» воспринимается в лучшем случае как «мне хочется», которым я вовсе не утверждаю никакого «я, хотящего». И так до тех пор, пока я не учреждаю субъектность сам.

⁵ Поскольку «я хочу» и «я должен» учреждают я-субъекта, постулируется и некий сверхсубъект, «Свобода». Его можно перепутать с Другим только в описании, на самом деле речь идет о совершенно ином — потому уже, что Свободы нет в опыте. Это принцип формирования времени в я, принцип субъектности, проведенный от начала до конца. Можно вообразить «чужую» временную линию по образцу своей, проходящую, сквозь объектное пространство и *всегда* утверждающую субъектность хотения или долга. Я думаю, Свобода — матрица для идеализации людей, для кумиротворения

⁶ Косвенно это подтверждается тем, что слова «я» и «мне» (I — me, je — moi) разнокоренные, в единую парадигму склонения они сведены искусственно. Даже выражения «я хочу» и «мне хочется» значат не одно и то же.

3. По ту сторону я-субъекта. «Положенное». «Мне положено» — вводит представление обо мне как об объекте. Сила, задающая условия существования этого объекта, вне поля зрения. Названа не она, а моя страдательность. «Мне» заполняет место, предусмотренное безличным «положением», где «тебе положено», «ему положено». Само «положено», форма предъявления требования — одна. Это значит: всякому что-то «положено» до того, как он спросил, *что же* именно. Ему дано лишь найти себя уже бредущим по дороге в заданном ритме⁷.

Припоминая состояние под знаком «мне положено», видишь словно промельки недоуменного созерцания, выплывающие как из полусна. Всегда видно одно — вынужденное передвижение «меня». То же относится к мыслям, бессвязным и в то же время предопределенным внутренним монологам, которые *созерцающий* это безобразие слышит с тем же отстраненным недоумением. Не прояснишь, присутствовал ли *созерцающий* при созерцаемом уже тогда или возник сейчас, в ходе воспоминания, — ведь нет большой разницы между воспоминаниями разной степени давности. Но сама неопределенность положения *созерцающего* сообщает о нем главное. Он вне времени и не переживает времени. Уже поэтому он никак не похож на я-субъекта, о котором тут и речи нет. Но и тот, кто торопился на работу и что-то неслышно бормотал при этом, не может быть назван субъектом, то есть подлежащим своих действий и мыслей, а только агентом-проводником. Относительно же условий и причин этих действий и мыслей он всегда объект.

4. Бессилие «мне хочется». «Мне хочется» подчинено принципу «мне положено». Само «мне хочется» тоже вводит меня в качестве объекта (побуждая к перемещениям). Легко увидеть и разницу. «Мне положено», хотя дает о себе знать тут или там, само по себе больше, оно нелокально. А «мне

⁷ «Мне положено» — вещь неоднозначная. Это «предел, его же не преидеши», который мне *положен*. И это нечто вроде права или гарантии, обеспечивающей бесконфликтное вместилище если не всякого «мне хочется», то, во всяком случае, самой диспозиции «хочется».

хочется» — конкретно и предметно. Вещи, поскольку они падают на глаза или всплывают в памяти, тянут к себе и превращают состояния тела в импульсы⁸. За этим стоит другая важная асимметрия «мне хочется» и «мне положено». «Мне положено» само себя обосновывает, как обосновывает «я должен». *Мне положено, потому что положено, чтобы было положено*. А «мне хочется» основывает себя не на самом себе, а на вещах-объектах, которые видятся «вызывающими». Оно не безусловно. Этим оно отличается от «я хочу», и от «желается» (к которому надо подобраться).

И «мне хочется» включено в строй «мне положено». Хочется «Баунти»: положено подойти к прилавку, привлечь внимание продавца (а не разбивать стекло), отдать деньги, взять батончик, распаковать, съесть. Так «мне хочется», разрешаясь на частных вещах, утверждает общий строй «мне положено». И положено, чтобы мне хотелось (не положено, чтоб «я хотел», — это из иного строя).

5. Диктат положенного. Конфликт возникает там, где есть разные «мне положено». Хочется «Баунти», уже проявилось «положено» очереди и сдачи, но положено еще успеть на автобус: ему положено не ждать меня, а идти в своем ритме. Вот и видно, что «положено» задано многим, кто, вроде меня, движется предначертанными путями. Пространствованием слитны, даны как множество массивов, без просветов прилегающих друг к другу. Пространства-времени может *не хватить* — не в абсолютном смысле, а в том, что, если разрастается пространство-время одного объекта, сокращается пространство-время остальных.

Поэтому здесь можно *не успеть* сделать что-то, что положено, или, что то же самое, на положенное не хватит места (а такого не положено). Это другая нехватка, нежели там, где

⁸ «В животе пусто», «устал», «болит» — такое несубъектное, которое расположено ниже «мне хочется», но тут о нем говорить неинтересно. «Устал» само по себе значит лишь «устал», и, пока не вспомнится кровать, не выяснится даже, что тянет именно туда, а не к холодильнику. Если совсем устал, то засыпаешь на ходу, до всякого «мне хочется».

я-субъект утверждаю претензии на линейное время. Но это *нехватка*. В этом смысле «верхний этаж» субъектного сознания похож на ту комнату нижнего, несубъектного этажа, где живет «положено».

Но тут же есть дверь в Другое.

* * *

И сразу возникает «*желается*».

7. Инаковость «желается». «Желается» сдвигает в сторону представления о субъекте и объекте, не приводя ни к «я», ни к «ты». Это еще не значит отменить, но значит — перераспределить функции. Я — не субъект желания, потому что это Другой открыл для меня сам мир желания, возможность жить желанием. Так что, Другой скорее, чем я, мог бы быть назван субъектом. Но «Другой желает» — это вовсе не то, что «я хочу», потому что Другой — не я. Нельзя начать с «я хочу» и отразить себя в зеркале, чтобы представить отношение Другого к желанию. Уже потому, что всякое «я» существует, взмывая над «мне положено», и держит его за собой, как фон. А Другому никогда ничего не было «положено». Другой суверенен⁹. И он именно суверен желания — чего-то не похожего ни на что иное.

Уже говорилось, что «мне хочется» включено в порядок положенного именно через качества вещей. Вещь делает, что ей положено: выставляет себя как ценности и гасит импульс, который сама сообщила. Далее, активное «я хочу» не гасится никаким приобретением, потому что оно организует себя само, вообще никак не разрешаясь. И вот «желается» похоже и не похоже на то и на другое.

Другое — не вещь, из его качеств достоверно известно одно: оно другое, нежели что бы то ни было, что можно уви-

⁹ И так, «я хочу» и «ты хочешь» (точнее, видимо, признание «тебе хочется») возможны только в связи с «мне положено» — тебе положено». Как их ни перекраивай, такие отношения не выходят за пределы здешнего строя жизни. В лучшем случае они характеризуют здоровое партнерство, в котором нет ни шага в направлении мистического.

деть как положенное. Притяжение к Другому никак не может успокоиться в соприкосновении. С чем бы мы ни соприкасались и что бы ни поедали, это оно, а не Другое. Но, с другой стороны, в желании Другого не самоорганизуется, не самоутверждается я-субъект. Притом само «желается» обосновывает себя радикально, как и «я хочу», без всяких корней в «положено». Просто «желается, чтобы желалось», как «положено, чтобы мне было положено». Такого «желается» (не «я», даже не «мне»), достаточно, чтобы желалось.

8. Кем можно быть при Другом. Почему в «мне положено» указывается «мне», а «желается» выглядит еще более безлично? «Мне», как объект, движимый (или приводимый в неподвижность) при Другом есть. Но тут он определен иначе, в соответствии с разницей между миром «положено» и Другим. Здесь, в *здесьнем*, «мне» в конечном счете не отличить от просто *места*, определяемого структурными различиями «кому что положено», во «мне» сказывается, таким образом, структура, как и в любом «ему», «кому-то еще»¹⁰. «Мне положено», объединяя *всех* единой структурой-судьбой, в то же время отличает «мне» от остальных. Но там, где «мне» желается Другого, существенно совсем иное, доструктурное различие — Другой всегда Другой, равно по отношению ко мне или к кому-либо еще. А если кто-то оказался Другим и в Другом, то, значит, от него-то меня и отличает бесконечное различие. Поэтому даже «мне» в «желается» иное, не то, что в «мне положено», и упоминание о нем можно опускать.

9. Другое как святое. Посвящение. И неправильно спрашивать, «чего именно желается». Желается всегда одно — *Другого*, не чего-то в Другом, но его самого, по причине его бесконечного отличия от всего, чего «мне хочется», — не меньшего, чем от всего, что «мне положено». И, с другой стороны, Другого всегда именно *желается* (а не как-либо еще тянет к нему) по его собственному качеству другости всему

¹⁰ То есть объектное «мне» вовсе не находится в одиночестве, оно всегда с остальными. Его мир и его сознание — не только его собственное место, а и вообще структура, задающая различия.

остальному. Этим желанием утверждается не я, а Другой как особая реальность, бесконечно отличная и от всякого я-субъекта хотения и долга.

Другой — *святое* в первичном, до-моральном значении слова. Так свят Бог Ветхого Завета — прежде чем зашла речь о каких бы то ни было добродетелях — как другой всему прочему миру, «кадош», отделенный. Другой свят, свята земля Другого, и *поэтому* она хороша, а то, что вторгается в нее извне, не став другим, — плохо. Бог говорит Моисею из горящего куста — сними обувь твою, ибо место, на котором ты стоишь, свято место сие. Как мне ступить на землю Другого, если я сам такой, а не другой? Я плох, потому не переступаю черты (плох не по меркам здешнего мира, но плох, потому что не принадлежу миру Другого). И, сталкиваясь с Другим, не жить без посвящения, тоже в первичном смысле — не приобретения знаний, не формальных процедур. Но — быть столь же, как сам Другой, другим для всего внешнего, потому что иначе находиться здесь невыносимо. Посвятиться хотя бы затем, чтобы не бояться¹¹, раз уж оказался на этом месте и не можешь с него сойти. И переживание Другого, помимо желания, всегда означает страх.

МИФОЛОГИЯ И ПСИХОАНАЛИЗ

1. До-моральность золотого века. У «золотого века», века Сатурна, два лица. Зайти с одной стороны — да, золотой век: все, чего душе угодно, и нет законов, ограничивающих удовлетворение желаний. И все равны (что связано с отсутствием законов). Когда этот век разыгрывают в карнавале, все сгущается, как на сцене: изобилие выглядит преизбытком, беззаконие спешит заявить о себе как можно громче. Но в спокойном течении золотой век не помнит ни голода, ни страха, желание так естественно предполагает исполнение (его не может не быть), что спешка не нужна — природа не спешит.

¹¹ У Фрейда где-то рассказывается о девочке, которая, чтобы не бояться привидения, сама представляла себя тем самым привидением, которого надо бояться.

С другой стороны: сатурнов век — век монстров, и нет на них закона, чтобы подчинить хаос чудовищных порывов. Исходя из уже данного закона, золотой век не может быть иным: те, кто населяет его, играют без правил, увлекаемые лишь «позывом». Порыв растет бесконечно, «а почему бы нет». Фиджийцы, раз в год изображавшие золотой век, сами говорившие «мы там как животные», облачившись в диковинные костюмы, объедаются и нарушают всевозможные табу. Они безразличны к запретам, как животные.

Но и *как боги* (о чем свидетельствуют костюмы). Люди в это время — другие, не те, что в другой сезон. Вступая в золотой век, люди вступают в ряды богов, сами оказываются богами, как в кельтский Самайн. Раскрываются холмы, и два мира смешиваются. Когда холмы закрыты, они создают вокруг запретную зону, но, когда они открываются, ее нет. Миссионеры, говорившие о дьяволослужении, не были точны. Те, в кого временно преображаются люди, в другое время выступают устроителями порядка и законов.

2. Другой порядок жизни. Так, древнейшие предания, включая библейское, не говорят о рае и аде, а об *одном* ином мире. Его другая жизнь оказывается то жизнью предков, то жизнью духов, изначальными временами и «временем сновидений». Важнее всего то, что она «другая». Можно приписать ей приметы, как обилие золота или локализация «за рекой», но всерьез ее отличает от здешней жизни иной характер ее времени-пространства. Это прежде всего жизнь, в которой невозможно не успеть чего-то сделать. (И обещается, что если мы ее найдем, то не опоздаем к тамошним событиям, — не потому, что они повторяются, а потому, что мы всегда застанем нужное событие.) К ней неприменимо выражение, которое приходится на разные лады повторять философам, говоря о здешнем: «человек всегда уже опоздал». Но мы опоздали *туда*, в эту жизнь. Мифы вечно говорят о том, как однажды человек впервые опоздал. Но *куда* опоздал?

3. Запрет на Эдем и Другой. Есть предание, которое комментировали больше, чем иные, — рассказ о древе познания добра и зла. Сказаний о фатальном случае, которому мы обязаны нашими несчастьями, много. Но не найдешь такого

двусмысленного, как библейское. Остальные хоть чем-нибудь да проще рассказа Бытия, насыщенного персонажами и точками зрения и заканчивающегося тем, что «*выслал его Господь Бог из сада Едемского, чтобы возделывать землю, из которой взят. И изгнал Адама, и поставил на востоке у сада Едемского Херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к дереву жизни*» (Быт. 3. 23-24).

Персонажи и символы в толкованиях множатся, изображая Долг, Инстинкт, Знание, Веру, Добро, Зло, Ложь, Истину и т. д. Историй о человеческой ране много, но эта — сама как рана, на ней нет живого места. Толкователи пишут полярные комментарии, потому что говорят о самом больном. Сколько же терпеть то, что «положено»? И как не терпеть, если «я хочу» как раз отлучило от Эдема? Проблема утраченного Эдема — проблема Другого, который заявляет о себе как о том, что всегда везде желается, но не впускает в себя.

Человек изгнан и хочет вернуться. Почему нельзя? Позволительно ли мечтать о жизни, где уже нет последствий «преткновения» (своего или чужого)? Если нет — о чем вообще было бы мечтать? Если позволительно, то отчего позволительно осаждают врата Эдема, ожидая, пока устанет херувим? Лучше ли, «как положено», возделывать землю? Во втором поколении возделывал землю Каин — стал ли он ближе Эдему, исполняя «положенное», чем если бы этого не делал? А легенды (апокрифические) говорят о Сифе, сыне Адама, как о человеке, побывавшем *там*.

4. Поиски Эдема. Внутренняя жизнь Другого. В сказаниях говорится об осколках Земного Рая в пространстве и не в пространстве. Искали и Шамбалу, и Агартху, хотя такие образы дают лишь внешний круг поисков, не само сокровенное, а метафору. Кто идет дальше, идет, угадывая «внутренний город», Эдем как свое состояние и состояние мира. Эдем — это каждый из «восьми бессмертных», о которых говорят китайцы. Каждый из них выглядит свободно плавающим в пространстве-времени индивидом, нетленным, нестрадательным, над которым ничто внешнее не властно. Уж он не скажет о себе «мне положено», и ему незачем говорить «я должен». А как он знает себя изнутри — уж Бог весть.

Религии по-разному оценивают поиски такого состояния — жизни *до познания добра-и-зла, до потери Эдема*. Считается, что христианская ортодоксия (любого толка) скептически и строго объявляет любые усилия человека несоизмеримыми с задачей; что ислам много больше разрешает в поисках Совершенного Человека, не говоря о мире дальше к востоку. Но принцип общий: *только сам(о) Другой(е) посвящает тебя себе и в себя «втягивает»*. Вот кого считать достаточно *другим* для того, чтобы он мог сделать другим тебя самого?..

Но ясно одно: есть область беспрепятственного, место без *принципа реальности*. И главное, что отменяется в Другом, — невозможность быть другим. Всякая возможность приоткрыть окно во внутреннюю жизнь Другого связана с этим великим отрицанием «таковости». Если *там*, как в пространстве, живут персонажи, лица, они свободны от «положено» (как и от «я хочу — я должен»). И каждый из них — сполна Другой не только по отношению к остальным, но и каким-то образом сам в себе, как весь мир Другого целиком. Поэтому каждый равен всем и миру Другого целиком. И все во всем — Другой¹².

Мифологии говорят грубовато — о многочисленном населении Другого. Иначе говорит утонченный догмат о Троице. Но в отношении практической ситуации религии больше выровнены: должен прийти *другой*, чтобы сделать тебя *другим*, втаскивая в *Другое*. Так мальчик перед посвящением замер на границе святой земли или перед лицом танцующего предка. Он знает, что идти самому нельзя, но, когда его *внесут* внутрь, окажется, что табу вывернулось. Теперь он сам табу для внешних, став другим в Другом, пока продолжается священное время, коррибори.

¹² Мало сказать «вакхант становится Дионисом» — он в той же мере становится и убийцей Диониса. Он именно становится Другим миром, который не персонализуется так, как это привычно в мире тутошнем, а если персонализуется, то иначе. Сказать, что трагедия Диониса разыгрывается внутри его сознания, где есть несколько персонажей и поле их действия, — тоже уйдет вся суть. Именно то, что все находятся в одном месте и в одно время, и составляет специфику Другого мира.

5. Эдем — мир наслаждения, а не запрета. Конечно, важно, как другость Эдема соотносится с «познанием добра-и-зла». Толковать библейский рассказ — дело неблагодарное. Чем банальнее будут замечания, тем лучше.

Говорят, что «знание добра и зла» есть свобода морального/аморального выбора (вместо следования предписаниям), потому человеку в «плюс», или же — что это морально-оценивающее сознание, которое само по себе в «минус». Но, по давности сказания, «добро-и-зло» не имеет вообще отношения к морали. Бог-то ведь знает добро и зло, не будучи «моральным богом»: а) его свобода — не выбор, утверждающий «я», а *другое* — стихия «желается»; и б) глупо считать библейского Бога пленником моральных правил, Он *другой*.

Что происходит в тексте? «Откроются глаза ваши» — говорит искуситель, и это в любом случае значит, что сейчас они закрыты. Если видите Эдемский сад и в одном с собой саду Другого, кругом звери-помощники и еще «плоть от плоти моей» — значит, *ничего* не видите, а что значит *видеть* и *что* вы увидите — вот увидите, когда помудреете (съедите плод, откроете глаза). И увидели: чужие друг другу люди, сбитые вместе сексом и нуждой, в мире, где ничто даром не дается.

«Живите в *этом* мире, а не в *другом*» — Адам и Ева попробовали: мир оказался именно что «этот». *Что* они действительно сделали — усомнились в Эдеме как в мире наслаждения, захотев чего-то «реального» (получили принцип реальности). *Что* они нарушили — не моральное предписание, а святость места, *другость*. И они — не свободные, не подзаконные (это лишь следствие), а не-другие. А вечно живут только другие.

И, раз уж появилась терминология Фрейда, надо четко оговорить соотношение Другого с либидо и принципом наслаждения, поскольку, как верно сказано, сам Фрейд удивительно мало говорит о наслаждении¹³.

¹³ *Левинас Э.* Время и Другой. Гуманизм другого человека. — СПб.: Изд-во НОУ-Высш. религ.-философ. шк., 1998. — С. 8.

6. К либидинозности Другого. Наслаждение развязанно-го либидо — конечно, не физическое удовольствие от секса, как и само либидо — не половое влечение или его производные, а то, что делает его возможным¹⁴. Либидо есть *до* того, как заявляет о себе пол (канал, куда оно «втекает»). И оно продолжает сказываться в иных влечениях наряду с половым, инстинктов *много*. Не за одним половым есть надзор.

Инстинкт покровительства, скажем, не то же самое, что половой, но он тоже инстинкт. Сверх-Я воюет с Оно не только на сексуальном фронте, но и на фронте умиленной жалостности: *нельзя* подбирать всех кошек и собак¹⁵, нереально, губительно («*Ты что, всю жизнь хочешь им посвятить? Что ты с ними потом будешь делать?*»). И каким наслаждением было бы жить без этого «нельзя» и не справляясь о реальности, в первую очередь о реальности «потом»!

То, что *дети* хотят спасти собак от собаколовов, лучше всего доказывает, что дело вовсе не в «желании казаться добрым». Дети и не самоутверждаются, и не исполняют «положенного» (вот уж точно наоборот), а им просто *желается* спасти собак, и координаты «реального» при этом выключены. Безответственность, которую высмеивают взрослые (ср.: дон Хуан у Кастанеды высмеял Карлоса, пересаживающего улитку с тротуара на вредное для нее растение «из добрых чувств»), — лишь свойство стихии наслаждения, *более* архаичной, чем дон Хуан. Ответственный проект будущего и наслаждение исключают друг друга (это не чья-то моральная незрелость, это неотделимо от самого наслаждения). И это как раз показывает *либидинозность* Другого, как мира, где нельзя «не успеть».

¹⁴ Используя одно из поздних нейтральных определений Фрейда: «...принцип наслаждения будет тенденцией, служащей функции, которая должна освободить психический аппарат от всякого возбуждения вообще или же поддерживать сумму раздражения на постоянном или возможно низком уровне...». Фрейд З. «Я» и «Оно». Труды разных лет. Кн. 1–2. — Тбилиси: Мерани, 1991. — С. 191.

¹⁵ Этот инстинкт у разных людей развит в разной мере, но то же относится и к половому инстинкту.

7. Победа Другого над отождествлением. Такой же либидинозный, как секс, этот инстинкт дает *особую*, наряду с сексом, опору любви (как сложному психологическому единству). И он больше, чем иные инстинкты (питания, агрессии) открывает в онтологии Другого.

«Съесть» — значит отождествить другого с собой, «прогнать» — очистить территорию до тождества с собой же. Именно эти импульсы гасятся импульсом к обереганию другого, при-котором-состою, потому что он *другой*. И кладется начало *различению другого*, открывающему нечто за пределами двойственности всякого тождества («то, что отождествляют, — то, с чем отождествляют»).

То, что ребенок может начать бить любимого щенка, игрушку, братика, говорит опять-таки лишь о том, что инстинктов *много*. Если не входить в эти тонкости, то объект покровительства — фетиш, нечто, к чему *другое* отношение, сверх того, что положено от Сверх-Я¹⁶. Либидо празднует победу над принципом реальности, открывая Другой мир, где нет нужды обосновывать отношение к чему-либо на путях отождествляющей двойственности, потому что различило себя нечто абсолютно другое: «*желается*».

ЭТОС ДРУГОГО. ЛЮБОВЬ

1. Множественность этосов. Трансформер «быть-сознать» дает принципы отношения к другим людям, даже этические системы. Они захватывают и субъектные, и несубъектные принципы. Но из этического клубка можно вытянуть какие-то «этосы», соответствующие разным способам быть-сознать.

Можно увидеть этос, направляемый чистым «мне положено», — скажем, *правовой*; тут люди и поступки *оцениваются* соответственно «положенному» (могут быть по-разному заданы и содержание положенного, и распределение между «мне» и

¹⁶ В «детской стране», рядом со «штабиком» или прямо в нем — Бимкина конура, как земля Другого.

«прочие»). Должен быть этос, собранный вокруг я-субъекта, *этос уважения к свободе*, своей и/или чужой¹⁷. Замечательно, что все эти этосы: 1) моральные в том уже смысле, что имеют в виду «принцип реальности», 2) вводят представление о единых правилах игры для себя, для других, для всех. «Золотое правило» проводится и в правовом, и в «уважительном» этосе.

2. Другой этос. Должен быть этос, соответствующий Другому. Пусть будет *этос понимания*. Это значит не то, что Другой может быть понят, не то, что этос дает гарантии понимания другого человека (очень жаль). Это значит, что в основе отношения к другому человеку лежит установка — понимать его черты и поступки как знаки Другого.

Такой этос не родит этики, так как отношение к себе самому в нем всегда будет иным, нежели к другому. Другой человек не есть сам Другой, но довольно того, что он — святая земля, где Другой всегда рядом. Этос до-моральный, до-коллективный, первобытный: другой человек *свят* — в том, ветхозаветном смысле.

Есть рассказ о раввине, упрекавшем христиан за культовое отношение к принципу «возлюби ближнего, как самого себя» (он лежит в рамках «золотого правила»), тогда как другого *можно любить больше, чем себя*. Упрек неточный, но он схватывает суть различия между этосами. Святость другого человека и «любить больше, чем себя» постулируется хотя бы в отношении к *нищему*. Оно в традиционной церковной этике задано точно так же, как в еврейской. Если нищему подают, то не потому, что я хотел бы жить подаянием, а именно потому, что нищий — *другой*. Ясно, что и еврей, и традиционный христианин молчаливо предполагают, что нищий не пойдет дальше ритуальных рамок, — и вдаются в правовой этос,

¹⁷ И не обязательно кантская этика долга. Можно представить себе этос уважения к своему и чужому «я хочу», что-то вроде того, о чем говорит в «Поединке» Куприна Назанский: «Вы — царь мира, его гордость и украшение. Делайте все, что хочется... И подумайте, как осмелюсь я тогда оскорбить, толкнуть, обмануть человека, в котором я чувствую равного себе, светлого бога?»

в «как положено». Но на практике и этос уважения последовательно не проводится¹⁸.

Проводить *другой этос* сколько-нибудь последовательно можно (если не говорить о святых) лишь в любви к одному человеку. Любовь — Другой в человеческом лице.

3. Любовь-Другая. Говоря это, рискуешь попасть не на те рельсы. Раз Другой отличен от я-субъекта, раз он — пространство, где «желается», — легко увидеть в нем материнскую «вечную женственность», стихию «океанического» (а любовь — как стремления вернуться в лоно, в природу). Но при Другом, во-первых, нет уже никакого «Я», лишь пассивное «мне». Во-вторых, не надо вписывать в одну категорию все вообще случаи любви. Если любовь вообще есть стремление к другому (человеку), то не обязательно стремятся к Другому. Это может быть объект, которого «мне хочется» (вместе с «мне положено»), — надо помнить, что и «мне» само объектное. Или он может символизировать «второе я» под знаком «я хочу» или «я должен». В-третьих, любовь-Другой делит свои типичные черты с дружбой и привязанностью, а там *океанического* явно нет. В отношениях мужчины/женщины она, правда, проявляются яснее, потому что поле взаимодействия шире.

Сексуальная сфера, видимо, всегда имеет отношение к Другому, но какое? Бывает просто нарушение половых табу в погоне за Другим как запретным. Или совсем иное — практики, использующие сферу пола для состояний, обостряющих чувствительность к Другому. Но и тут, видимо, не обязательно то, что называют «любовью» в обычном смысле слова. Во всяком случае, это не то, о чем здесь говорится.

4. Любовь-Другая как идилическая. Любовь мужчины и женщины, имеющая прямое (несублимированное) выражение, смешанная с дружбой и привязанностью. То, что предполагается (по крайней мере в России) как нормальная модель любви. Но с одним исключением: эти качества уже не укладываются в норму, потому что оказались способами бытия

¹⁸ Этос уважения скорее побудит «давать с разбором» и вообще предпочтет «дать удочку, а не рыбу».

при Другом, и возникает *идиллическая любовь*. Конечно, она может быть не вполне симметричной, основанной с разных сторон на разных принципах. Не просто взаимность любви, а взаимность этой мистики создает выраженную идиллию, и формируются симпатичные двойные образы: Афанасий Иванович/Пульхерия Ивановна, Фимушка/Фомушка («Новь» Тургенева). Но ниже говорится, как вообще в этом очерке, о бытии *одного* при *другом*, а не *двоих* (это другая задача).

5. Антисоциальность. Но одно обстоятельство, касающееся *другой любви*, лучше оговорить именно затрагивая случай несомненной идиллии двоих (для каждого из двоих в отдельности оно будет лишь усугубляться). Из враждебности¹⁹ организованного общества принципу наслаждения следует, что идиллия всегда потенциально преступна.

Конфликт сглаживается настолько, насколько, по счастливой случайности, идиллия не противоречит тому, *что* каждому из двоих и им обоим «положено». Литературные идиллии прописываются в изолированных уголках, в традиционном укладе вроде мелкопоместного. Но и там бывает кому посмотреть на идиллию извне и профанировать ее. Так, у Тургенева Маркелов говорит Фимушке/Фомушке: «Я, конечно, вам не судья... Но позвольте вам заметить: жить в довольстве, как сыр в масле кататься, — да не заедать чужого века, да палец о палец не ударить для блага ближнего... это еще не значит быть добрым». Чем возразить? Есть характерное замечание об этой паре: «Коли слуга у них оказывался отъявленным пьяницей и вором, они сперва долго терпели и переносили, вот как переносят дурную погоду; и наконец, стараясь отделаться от него, спускали его другим господам: пускай, дескать, и те помянутся маленько!» Это мелочь, но за ней стоит больше: существование такой пары по определению *безответственное*. Она живет в «желается», она пугает, ставя под сомнение принцип «мне положено». Им ничего не поло-

¹⁹ Ни в обществе потребления, ни при каких сексуальных революциях нельзя институционализировать необходимое для наслаждения произвольное прерывание общественного времени.

жено. Они понимают друг друга, потому что «желается» — и все. И — формула обвинения — *живут только для себя*

6. Блаженный статус. Тут могут посыпаться примеры (люди бездетные, хозяйства не прирастают, что останется по смерти?)²⁰, но обвинение имеет в виду большее. Так же говорят созерцательному аскету или шаману-одинокке: прекрасно, но нельзя же быть озабоченным только *своими* проблемами. Не в том ли и дело, что они заняты одним и тем же, что раздражение вызывает сама обращенность к Другому, как к человеку, к Богу, к волшебному миру?²¹ Это все «свои проблемы», не входящие ни во что общее. Каждая из них — исключительное дело, превращающее все заботы в подступы к себе (или упраздняющее их). Работа в Эдеме не считается работой, как не работа — оцепенение мальчика перед кустом сирени или пляской коррибори. Не считать же праздник работой? Можно тратить там силы, но это не труд. Труд и праздник — разные пространства. Дело не в вербальных проблемах: мы не можем договориться считать праздную трату сил «трудом», не противореча довербальному различению здешнего и нездешнего пространства-времени. Здесь трудятся, там празднуют — покрыть эту разделенность одной территорией нельзя.

Есть маневр, с помощью которого посторонние легализуют «странных людей», *один и тот же* маневр для идиллических пар и для одиноких аскетов — признавая их блаженными, то есть в конечном счете *другими*. И, по выражению Нежданова, Фимушка/Фомушка — «чудаки, сумасшедшие, *убогие, юродивые, «параклитки»*». (При всей двусмысленности этого статуса, и он-то возможен лишь там, где сохранилось почтение к святыне — не к полезным или моральным качествам святого, а к самой святости-*другости*. Так — чтобы не замыкаться на русской традиции признания «убогих» — ту-

²⁰ Гоголевские герои производством не заняты, только потреблением, — земля их, как в Эдеме, «сама родит», — и после их смерти воцаряется запустение. В этом смысле жизнь прожита зря.

²¹ Пульхерия Ивановна варит варенье, чтобы жить с Афанасием Ивановичем, а зачем же еще? Неужели затем, что положено варить? Тем, чего не нужно, чтобы жить, она и не занимается.

ринские торговки говорили о Ницше — «Вон святой пошел».) Легализовать фигуру созерцателя можно только выведя его за пределы всяких сопоставлений с трудящимся. Аскет в глазах трудящегося должен быть *особым* и избавленным от всяких оправданий. Если трудящийся оценивает аскета сообразно категориям здешнего, трудового мира (неважно, как именно), он открывает дорогу ressentiment, и легальному существованию аскезы конец²². И, логически рассуждая, с идиллией тоже можно сжиться только одним способом — как с самодостаточным *святым*.

7. Не-идеализация. Возвращаясь к анализу любви одного-другому-в-Другом (не к ситуации односторонней любви, а в смысле методологической изоляции бытия-при-другом), будем отделять психологические факторы, срабатывающие как случайные (и причины возможной не-взаимности, и причины переходов в иные способы быть-сознавать), от онтологической структуры, в которой вся суть этого отношения. Это такая же фундаментальная структура, как структура любви я-субъекта (в которой другой понят как «другая свобода»)²³.

Один человек зачарован другим, как если бы годами стоял у врат волшебной страны. Это не идеализация, во всяком случае, такая любовь не на ней основана. Идеализирующая любовь — это и есть любовь я-субъекта. Она (пока она есть) раскачивается между «я хочу/должен быть *таким*» и «мне не быть *таким*». Она то утверждает я-субъекта, то согласна на объектность «меня»: «мне не дано, не положено»

²² Такие святые, как Тереза Калькуттская, оправданы нынешним миром лишь потому, что их дело можно втиснуть в общее представление о *работе*, то ли положенной, то ли «из чувства долга». От Симеона же Столпника, как от нетрудового элемента, будут требовать оправданий. Но трудящемуся может прийти в голову увидеть и деятельность Терезы с иной стороны — *она жила в мире желания*, не думая, во всяком случае, о земном будущем своих подопечных, буде они выживут: «как прокормится эта орда?» — «откуда же мне знать?». В этом смысле и она *жила только для себя*.

²³ Ср.: *Сартр Ж.-П.* Первичное отношение к другому // Проблема человека в современной западной философии. — М., 1988.

(и может тут застыть). «Мне не стать *таким*, как ты, и потому ты — кумир».

Формула той любви, о которой говорится здесь, другая: «желается быть тобой» — «мне не дано быть тобой». Даже соглашаясь на «не дано», любящий остается в поле отношения к Другому, не переходя в состояние «мне положено». Это не формирование-расформирование я-субъекта, а стояние при Другом, многолетнее вглядывание, перманентное посвящение в другую жизнь. Это значит — «мне не стать *тобой*, поэтому нужно всегда быть при тебе». Для сравнения: тот, кто идеализирует, *может* выделить и предъявить «на экспертизу» качества образа-кумира, тем более что это именно те качества, которых ему самому недостает. Другая любовь такого не может, потому что имеет в виду не достоинства другого, а его несравнимость, внеположенность критериям и правилам.

И она проходит в бессубъектности. Либо объект, либо желание быть тобой, и никогда — субъект. Что делаю, делаю не я, а мое притяжение. О прочем и памяти уже нет.

8. Святость-другость. Идеализация не нужна, поэтому и разочарований нет. Любимый *свят* в том самом первичном смысле — такой, какой есть, он несравним с остальными. Притяжение здоровья, счастья, сексуальных качеств, помимо обычного назначения (быть основой «мне хочется») становятся знаком. Но и болезнь, и несчастье — в равной же мере то, к чему приникаешь в поисках Другого²⁴.

Это пространство, как страна, чтобы жить. Это не «внутренний мир», если понимать под последним свойства субъекта, его эмоции или установки. Это прежде всего предметный мир другого, «его Dasein», который желается видеть именно как Dasein, «тут-бытие». Чтобы *там-* или *не-совсем-тут-*бытие стало тут. То, что предстает в рассказах о прошлом и что угадывается в наличных вещах как видимое «с твоей стороны».

²⁴ Тем более неважно то, как человек, например, одет. Одет он к лицу — это прибавит восторга, одет не к лицу (нечего или некогда выбрать) — прибавит жалости, но ни восторг, ни жалость не мотивируют глубинное «желается», а в него вписаны. *Как бы* равнодушные — в неважном, в мелочах.

Так в сотый раз просишь рассказать что-нибудь «из своей жизни», переживаешь заново все, что составляет внутренний ландшафт, и в ужасе и умилении говоришь: «И как же так, что меня там не было!» Это прошлое уже существует вне времени, как область желаний.

И огромное значение приобретают общие вещи, бесконечная *постановка* вещей — так, чтобы их «подручность» была одна для обоих. Эта постановка — овнешненный, телесно проводимый процесс понимания, в котором брезжит надежда «перехитрить другость». Лишь оказавшись вполне «там», можно было бы осуществить жизнь в Другом. Ожидание чуда и есть сущность очарованной жизни. «Искание ласки составляет ее сущность благодаря тому, что ласка сама не знает, чего она ищет. Она как бы игра с чем-то скрывающимся, игра без всякого намерения и цели, не с тем, что может стать нашим и с нами, а с чем-то другим, всегда недоступным, что должно прийти. <...> Можно ли охарактеризовать взаимодействие с другим в эросе как неудачу? Опять же, да — если принять терминологию расхожих описаний и охарактеризовать эротические смыслами «схватить», «обладать», «познать». Но ничего такого, а значит, и неудачи такого рода в эросе нет. Будь возможно другое схватить, им обладать, его познать — оно не было бы другое»²⁵.

9. Ритуальность и безбудущность. Ласка, имеющая дело с будущим как с тем, что «должно прийти», заменяет проект будущего. Волшебная страна на то и волшебная, что в ней нет времени. Относительно реально в ней²⁶ лишь циклическое время повторяющихся, как ритуал, ожиданий весны, лета, праздников — как совместных переживаний особого рода. Да это и есть часть ритуала, как и сезонная постановка вещей.

Ритуальность саму по себе не надо рассматривать как знак рутины, как чистое «мне положено». Потребность в ритуале коренится в том, что в *другой жизни* уместны только

²⁵ Левинас Э. Указ. соч. — С. 97–98.

²⁶ Не только само по себе, но и как праздник, куда вырываются из линейного времени труда, внешнего по отношению к идиллии (если он есть).

другие действия — они и есть ритуал: то, чего ты никогда не сделал бы ни для кого иного. В ритуал входят чисто игровые моменты, но особенно важно отметить окраску, которую приобретают не-игровые, «серьезные» дела. Это касается и внутреннего труда, «работы понимания», и потребления. Потребление должно быть *другим* — иначе оно не свято. Оно свято, когда это потребление *другим*, не собой. Извне это выглядит не то умилованием, не то баловством (так с позиций современной экономики сбережения-развития выглядит любая архаическая экономика освященного потребления). Само по себе, заметим, это не значит несостоятельности, как и вообще безбудущность не обязательно приведет к катастрофе.

10. О катастрофе любви. Если же говорить о катастрофе, то нужно вновь различить случайные факторы и то, что присутствует в самом существе отношений как возможная причина катастрофы. Нужно оставить в стороне и давление остальных, и то, что двое могут разойтись в поисках Другого²⁷. Есть ли у катастрофы чисто внутренние основания?

Бытие-с-другим само по себе — не монолит. Человек существует, помимо любви, еще и в отношениях с посторонними (где с неизбежностью возникают «мне положено» и субъектные режимы), а внутри самой ситуации любви так же неизбежно возникают моменты, требующие учитывать принцип реальности (болезнь, нужда, стрессы). Но и это, по последнему счету, внешние факторы, которым, чтобы вклиниться в само существо любви, нужно обнаружить там какую-то внутреннюю трещину.

Такая *изначальная* трещина в фундаменте (с которой вообще-то здание может, при иных обстоятельствах, простоять до смерти обоих людей, соединенных любовью) должна быть

²⁷ И другие внешние факторы, которые обусловлены именно начинающейся катастрофой: например, поиск и обретение кумира (в конечном счете возможные только в режиме «я-субъект», где актуальным делается комплекс неполноценности — внутри идиллии его нет вообще — и желание стать *не таким, как есть*). А если есть кумир, отношение к нему может обрести всякие формы, в том числе прямо опасные для любви двоих.

определена самой спецификой этой любви, как есть изначальная трещина в фундаменте любви, протекающей под знаком «я-субъект». Но тут трещина другая, не связанная с изначальной борьбой свобод.

Она связана с *асимметрией* отношений к себе и к другому как Другому. При естественном несовпадении между способом бытия Другого и того, кто отмечен дружостью, эта асимметрия значит некое недопонимание, вызванное именно желанием понимания. Та работа понимания, которую проделывает любящий, всегда имеет в виду установить невозможность подвести любимого под общее правило. Нельзя действовать технологически там, где *все* в конечном счете есть отмеченность Другим. И работа понимания в определенном смысле всегда *бестолковая*. В религиозном, эзотерическом, философском постижении «умное непонимание» Другого — *всегда* нормальное явление, но не здесь.

Другой, как волшебная страна, тем и отличается от всего профанного, что в нем нет необратимого времени, там невозможно не успеть. Но с тем, в лице которого явлен Другой, что-то *происходит*. Дело не в том, что он делается «не тем», а в том, что у него другое отношение к собственному бытию-в-мире: для него есть прошлое, реально прошедшее, тогда как для любящего — есть прежде всего *вневременное* желания. Есть странный парадокс: любящий не может вполне пережить вместе с любимым *потерю*, проникнуться его горем именно потому, что видит его как страну Другого, в которой ничто не исчезает. «Но у тебя ведь есть *ты*» — эта смутная мысль добавляет в его сочувствие чуть-чуть недоумения. (Впрочем, все остальные вообще не собираются разделять твое горе, потому что заранее знают общее правило, под которое можно подвести данный случай²⁸.)

*Во всей Вселенной
Что живое столь же далеко?*

²⁸ Поэтому они скажут только религиозные банальности (банальностями их делает не содержание, а то, что они высказываются в качестве общего правила). Сказать не банальное среди всех остальных мог бы только *другой*.

* * *

И корабль, как сказано, плывет вдоль берегов несбывшегося.

О, если бы нас понимали!.. Парансихология — мечтательная попытка проникнуть в другого, отдать себя другому, исцелиться пониманием, эта песня безумно долга. Но куда же мы, бедные, рвемся понять другого, если не можем понять себя?.. Так скучно думать о себе. Однажды становится безумно скучно. И вдруг сверкнет как слабая заря между стволами — другая жизнь...

Но Другой все Другой, так же ветхозаветно свят, и свята страна. Ее не поглотили воды, и, пока есть кому помнить, помнится ее святость. Одному во всем свете снится восхождение, и он, видящий во сне, повторяет «*Если забуду тебя, Иерусалим, забудь меня десница моя*», как в «Братьях Карамазовых» о своем мальчике штабс-капитан Снегирев.